

Вера Шпаршу

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ / ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г.С. БАТЫГИНА, Л.А. КОЗЛОВОЙ, Э.М. СВИДЕРСКИ.
СПб.: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ, 2005. 416 С. ISBN 5–8291–0547–0.

Роль социальных наук в России — тема чрезвычайно актуальная. С одной стороны, как показывает множество публикаций на эту тему, в самой России существует потребность в прояснении состояния этих областей знания. С другой стороны, и зарубежных наблюдателей интересует не только вопрос о том, куда идет Россия, но и вопрос о роли наук и, в первую очередь, социальных наук в ее развитии. Редакторы рецензируемой книги высоко оценивают значение науки. Они исходят из того, что проходящие в настоящее время в России экономические и социальные реформы, были подготовлены «интеллектуальным проектом», который и привел к падению коммунизма. Сегодня Россия стоит перед выбором двух ценностных моделей: ориентироваться на национальную самобытность или включиться в универсальный дискурс гражданских обществ (с. 3).

Сборник, ставший результатом сотрудничества российских ученых с Фрибургским университетом, обещает ознакомить читателя с ценностными представлениями социальных наук, их научными ориентациями и темами, поколенческой структурой и финансированием. Правда, так и остается неясно, собирались ли авторы уделить одинаковое внимание каждой из социальных наук. На обложке упоминаются «социологические технологии», а на ее внутренней стороне изображена система координат, связывающая различные дисциплины (в том числе политическую и экономическую науки) с историческим временем, технологиями и понятиями. Между тем из всех социальных наук специально рассматривается, как правило, только социология. Создается впечатление, что выражения «социальные науки» и «социология» используются как синонимы (с. 294). В любом случае социальные науки, похоже, рассматриваются как часть обществоведения, и потому аргументация зачастую строится на примере философии, а другие дисциплины, к сожалению, не затрагиваются вовсе. Ориентация читателя осложняется и тем, что в книге не указана биографическая информация об авторах, а ведь как раз в связи с подобной темой было бы особенно важно узнать их специальность, возраст и институциональную принадлежность, чтобы вписать содержание книги в соответствующий контекст.

Книга начинается с трех длинных эссе: о «социальных ученых в условиях кризиса» (Г.С. Батыгин), интеллектуальных практиках (Э.М. Свидерски) и социокультурной компетенции интеллектуалов (С.С. Рапорт). Затем представлены биографии российских социологов и обществоведов (Н.А. Мазлумянова, И.А. Климов). Этому проекту посвящены и другие публикации (см., например, второй номер «Социологического журнала» за 2007 год). Далее обсуждаются сетевые коммуникации и представленность российских ученых в компьютерных сетях (Г.В. Градосельская, П.Г. Арефьев). Издание заканчивается разделами о финансировании науки и типах цитирования (Г.С. Батыгин, Л.А. Козлова, Н.И. Даудрих).

Батыгин рассматривает меняющиеся роли философии и социологии с разных точек зрения: в фокусе его внимания публикации, сам социальный ученый и, не в последнюю очередь, отношения между наукой и властью. Не со всеми его тезисами легко согласиться. Так, по его утверждению, захват российских гуманитарных наук марксизмом закончился к 1930 году. При этом для Батыгина марксизм — не столько мировоззрение, сколько «настрой ума» (с. 48). В первую очередь он подчеркивает связанный с ним процесс интеллектуализации власти. В этом контексте хотелось бы узнать, в какой мере отдельные социальные науки

сформировались до начала индоктринации, сколько талантливых демографов, психотехников и представителей других социальных наук «исчезло», прежде чем новая власть могла «захватить» эти науки, а главным образом — каков сегодня статус российских домарксистских социальных наук.

1950-е годы представлены как очередной переломный момент: формирование «заново» некоторых дисциплин (в том числе социологии) рассматривается как прогресс в том смысле, что диверсификация и перераспределение ресурсов привнесли в научную жизнь разнообразие. То, что все новые дисциплины были вынуждены «позиционировать» себя по отношению к марксизму, побудило их заново задаться вопросом об основах собственной деятельности. Батыгин видит одно из последствий тоталитаризма для ученых в том, что они писали не то, что думали (с. 46). Это, однако, не означает, что ученые были противниками режима. Тем не менее они не были в состоянии отделять в публичном дискурсе свои (как минимум, до поколения шестидесятников) искренне марксистские убеждения от собственно научной работы, которая, как утверждает автор, была позитивистской (там же).

Свидерски, говоря о философии, пишет об ее сталинской идеологизации, которая, однако, в последующий период была размыта приближением к проекту «действительности» (с. 114). И снова речь идет о поколении шестидесятников.

Было бы полезно (по крайней мере в главе о биографиях) показать различные поколения в российской социологии, но и Мазлумянова не вдается в подробности этого вопроса, теряясь в длинных цитатах из интервью.

Каждый из разделов посвящен отдельной теме, но у читателя возникает впечатление, что он имеет дело с весьма абстрактным обсуждением, недоступным непосвященному и не объясняющим того, что сейчас происходит в научной дискуссии. Так, Рапопорт тоже говорит о социальной науке в единственном числе, и при этом его интересует гипотетическая модель такой науки. При чтении текста складывается впечатление, что в России возникла весьма беспорядочная структура социальных наук («спонтанное социологизирование», с. 179), интеллектуальные правила в которой определены не очень точно, чему способствуют сложности финансирования. Однако читателю остается только догадываться, в этом ли заключается тезис автора.

Весьма современное по форме исследование сетевой коммуникации также посвящено социологии, причем снова поколению шестидесятников. В исследовании международных сетей утверждается, что социальные науки обогатит Интернет (с. 294), но при этом не следует отказываться от традиционных стандартов публикации. Возможно, подразумевается, что молодые российские представители социальных наук предпочитают участвовать в международном дискурсе, а не публиковаться в своей стране?

В период распада коммунистических обществ во всех посткоммунистических научных сообществах весьма остро обсуждалась политическая ответственность социальных наук за события прошлого. В Германии этот вопрос был «решен» путем полной ликвидации прежней структуры науки, а также ее содержания и научных элит. В странах Центральной Европы ориентация на Европейский союз и международные научные стандарты привела к стремительной переориентации: ценность прошлых достижений стала измеряться, в том числе, тем, как им удавалось закрепиться в новых системах. Об этом см. (Kaase, Sparschuh, and Weninger 2002) и базу данных «Knowledge Base Social Sciences Eastern Europe (www.cee-socialscience.net).

Но с тех пор прошло почти 20 лет, и обсуждение будущего, наверное, уже не может исчерпываться обращением к прошлому. Чтение настоящего сборника не способно дать ответа на то, каким путем пойдет Россия. Возможно, авторы к этому и не стремились. Однако в поиске ответа смогла бы помочь трезвая инвентаризация каждой из социальных наук по отдельности.

Авторизованный перевод с немецкого Михаила Габовича

БИБЛИОГРАФИЯ

Kaase, Max, Vera Sparschuh, and Agnieszka Weninger. 2002. *Three Social Science Disciplines in Central and Eastern Europe: Handbook on Economics, Political*

Science and Sociology. Book and CD. Berlin: Social Science Information Centre (IZ); Budapest: Collegium Budapest.